

КРИСТИНЪ.

Москва 23 Марта 1814 г.

Мои письма находятся въ письмахъ г-жи де Нуазевиль. По своимъ замѣткамъ я вижу, что не писалъ Вамъ съ 12 и послѣднее письмо мое было отъ 2. Теперь уже я не помню, что послужило причиной такого запозданія, но, конечно, причина должна была быть уважительная и основательная. Ахъ, Боже мой! нѣтъ я не ожидалъ пріѣзда г-жи де Нуазевиль и кто бы могъ его ожидать въ такое время! Обыкновенно петербургскую почту я получаю въ среду утромъ при моемъ пробужденіи. Въ послѣднюю среду, позвонивъ моему камердинеру я сказалъ себѣ: „вотъ письма“, но вмѣсто этого мнѣ подають написанную карандашомъ записку и говорятъ: „это отъ г-жи де Нуазевиль, которая заходила къ намъ въ 1 ч. ночи и спрашивала про какую нибудь гостинницу, не желая ѣхать на Басманную такъ поздно. Не вѣря своимъ ушамъ, я заставилъ повторить себѣ сказанное, но пришлось повѣрить глазамъ, такъ какъ записка все это подтверждала. Не смотря на сильнѣйшій насморкъ я быстро одѣлся и отправился къ княгинѣ Куракиной, которая ожила при видѣ своего милаго друга. явившагося для нея настоящимъ спасителемъ, такъ какъ она уже почти рѣшила остаться здѣсь до 15, чтобы не продолжать пути съ несносной г-жей Сю. Обуза, которую взяла на себя г-жа де Нуазевиль, оказалась очень для нея тяжелой, но никогда, еще доброе дѣло не дѣлалось такъ во время какъ это, такъ какъ ея присутствіе здѣсь, было гораздо нужнѣе присутствія мужа, который, какъ мнѣ кажется, пересталъ уже быть человѣкомъ необходимымъ теперь для облегченія страданій его бѣдной жены. Что за прелесть такой другъ, какъ г-жа де Нуазевиль.

Неудивительно, что вся семья Голицыныхъ превозноситъ ее до небесъ. Ей ничего не стоитъ дѣлать другимъ одолженія и та любезность, съ какой она ихъ дѣлаетъ, увеличиваетъ ихъ цѣнность. Наконецъ, ея поступокъ меня нисколько не удивилъ, такъ какъ я зналъ, что она на это способна, что еще усилило мою искреннюю къ ней привязанность. Вотъ уже 48 часовъ, что онѣ въ пути, дороги теперь ужасны, но онѣ отдѣлаются лишь тѣмъ, что пріѣдутъ нѣсколькими днями позднѣе. Въ берлинскѣ ѣхать невозможно, и онѣ взяли хорошія крытыя брички и, такъ какъ по ночамъ онѣ отдыхаютъ, а днемъ не холодно, то ни княгинѣ ни дѣтямъ не придется страдать отъ какихъ бы то ни было неудобствъ. Вы правы, что не ждете ихъ къ Пасхѣ, мы высчитали, что онѣ не могутъ пріѣхать раньше вторника или среды послѣ Пасхи. Не забыть бы мнѣ Вамъ сказать, что Титовъ пріѣхалъ восемь дней тому назадъ. Онъ обѣдаетъ и ужинаетъ у гр. Толстой, гдѣ принять совершенно какъ прежде, что меня очень радуетъ. Онъ былъ у меня два раза, такъ какъ насморкъ держитъ меня дома съ самаго отъѣзда этихъ дамъ; но я совсѣмъ не спрашивалъ его о его пріятельницѣ и онъ мнѣ тоже о ней же говорилъ, какъ будто никогда и не покидалъ Москвы.

Вотъ человѣкъ, который чувствуетъ себя отлично. Онъ былъ очень удивленъ и почти обиженъ тѣмъ, что Вы мнѣ пишете. „Да когда же Вы познакомились съ княжной Варварой?“—Годъ тому назадъ.—А почему она вамъ пишетъ?—Потому что добра и знаетъ, что доставляетъ мнѣ этимъ необычайное удовольствіе.—О, я думаю, но все таки это удивительно, и вы ей отвѣчаете?—Очень аккуратно, конечно.—Но я все таки очень удивленъ, что переписка могла установиться такъ быстро. Вы знаете, я считаю васъ счастливымъ человѣкомъ, такъ какъ даю слово, что она прелестна.—Предоставляю Вамъ угадать мой отвѣтъ, дорогая княжна, и противорѣчилъ ли я бѣдному старѣющему и немного опустившемуся генералу. Г-жа Апраксина написала своему мужу о графѣ Остерманѣ то же самое, что пишете Вы мнѣ, а Титовъ взялся сообщить все это г-жѣ Толстой, чтобы приготовить ее къ тому, что можетъ произойти. Считали бы Вы смерть Остермана большимъ несчастіемъ? Признаюсь, что я не могъ бы на нее такъ смотрѣть. По моему, для себя и другихъ лучше умереть, чѣмъ влачить существованіе человѣка лишеннаго разсудка. Первый моментъ былъ бы очень тяжелъ для жены, но время произвело-бы свое обычное дѣйствіе и вдовушка наконецъ успокоилась бы, если бы ей это было вполне возможно съ ея спокойнымъ и, вѣроятно, властнымъ и вспыльчивымъ характеромъ, которымъ одарила ее природа.

Г-жа Толстая получила отъ своего мужа письма отъ 4 Марта. Онъ говоритъ, что подъ Гамбургомъ убійственно скучаютъ и больше ничего. Вчерашнюю почту мы ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ. Не знаю откуда распространился слухъ, что Блюхеръ и Витгенштейнъ вошли въ Парижъ, но вѣсть эта не подтвердилась и до сихъ поръ остается неясной даже для будущаго. То, что происходитъ во Франціи, совершенно непонятно; казалось бы, что Бриенское сраженіе должно было явиться милостью для Наполеона, но вотъ онъ вновь на ногахъ съ своимъ обычнымъ высокомеріемъ. Теперь невозможно предвидѣть, чѣмъ все это кончится. Но я не вижу возможности мира съ нимъ не прославъ тѣмъ, чѣмъ не хочешь быть на самомъ дѣлѣ... Можно подумать, что Бурбоновъ хотятъ отстранить и не хотятъ вернуться къ тѣмъ принципамъ, отъ забвенія которыхъ, произошло все зло послѣднихъ 22 лѣтъ, въ теченіе которыхъ ведется война. Можно ли повѣрить, что законные монархи, воюя съ взбунтовавшимися подданными, убившими своего короля, не хотятъ сказать вслухъ, что они воюютъ за семью этого короля? Не должны ли монархи признавать свою солидарность? Не въ этой ли солидарности заключается ихъ собственный интересъ и интересъ общій? Все это непостижимо здравому смыслу. Прощайте у меня сильнѣйшій насморкъ.

Кн. Туркестанова.

Петербургъ 23 Марта 1814 г.

Когда я писала Вамъ послѣдній разъ, то такъ спѣшила, что теперь уже почти не помню о чемъ Вамъ говорила. Сегодня же всѣ мои мысли совершенно перепутались или вѣрнѣе сказать лишь одна заполняетъ мое сердце горечью. Молодой графъ Строгановъ убитъ. Вы знаете мои отношенія со всей этой семьей и мою искреннюю любовь къ графинѣ. Даже уваженіе и почтеніе, должныя ей добродѣтелямъ, должны вызывать въ постороннихъ сочувствіе къ постигшему ее несчастью, тѣмъ болѣе когда знаешь и любишь ее какъ я! Не могу передать, до какой степени эта ужасная новость меня поразила. Бѣдный молодой человѣкъ! Ему было всего лишь 20 лѣтъ; онъ обладалъ ангельскимъ характеромъ. Съ самаго своего поступленія на службу, онъ отличался превосходнымъ поведеніемъ. Часто генераль Васильчиковъ, при которомъ онъ служилъ, останавливалъ его за его стремленіе быть всегда впереди. Но молодость, желаніе отличиться и заставить говорить о себѣ брали верхъ.

Нѣсколько разъ онъ подвергался сильнѣйшей опасности въ авангардѣ Блюхера, но тогда еще не настала его часъ. На этотъ же разъ

онъ пробилъ. Ядро уложило его на мѣстѣ. Его несчастный отецъ находился отъ него не больше какъ въ ста шагахъ, когда все это случилось. Говорятъ, что онъ видѣлъ какъ понесли его тѣло, и, увидя это, потерялъ сознание. Тотъ, кто описываетъ подробности этой смерти прибавляетъ, что отчаяніе отца не имѣетъ границъ! Это дитя, единственный сынъ знаменитой семьи, призванный наслаждаться огромнымъ состояніемъ и всѣми преимуществами міра сего, только лишь успѣлъ появиться. Богъ вѣчности судилъ ему болѣе постоянное и дѣйствительное счастье. Лишь бы онъ въ своемъ милосердіи послалъ несчастной матери, необходимую въ такомъ горѣ покорность волѣ Божіей. Не понимаю, кто рѣшится взять на себя, сообщить ей этотъ ужасъ. Г-жа де Нуазевиль, видѣвшая ее передъ отъѣздомъ, поразила ее огорченнымъ и подавленнымъ видомъ. Вотъ уже нѣсколько времени, что она сильно страдаетъ и чрезвычайно слаба. Мнѣ очень хочется, чтобы ея мужъ самъ сюда пріѣхалъ, его присутствіе смягчитъ то ужасное впечатлѣніе, которое неминуемо долженъ произвести на ея хрупкую и чувствительную натуру этотъ ударъ. Какъ Вы найдете, что вчера, зная о случившемся, я сочла своимъ долгомъ провести вечеръ у *princesse Voldemar*, которая утромъ почти что приказала мнѣ прійти. Присутствіе бабушки и матери, не знавшихъ о жестокой утратѣ, было для меня пыткой. Сегодня утромъ у меня такъ болѣло горло, что я послала за докторомъ, который положилъ мнѣ пластырь, чтобы заставить натянутые нервы разойтись. Я очень страдаю, но непременно хочу выйти, чтобы не оставаться одной. Молодой человѣкъ погибъ въ битвѣ аванъ-постовъ и, можетъ быть, послѣдующая битва принесетъ намъ еще новостей въ этомъ же родѣ. а также бѣшенство, съ которымъ дерутся обѣ стороны, заставитъ насъ перечестъ еще значительное число жертвъ. О Боже мой, когда же наступитъ конецъ всей этой рѣзни! Мнѣ хочется, чтобы *princesse Boris* поскорѣ получила вѣсти отъ своихъ сыновей. Я знаю, что конная гвардія уже была въ дѣлѣ, но она еще этого не знаетъ. Двое ея старшихъ сыновей служатъ въ этомъ корпусѣ. Рапатель, про котораго говорили, что онъ взятъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ. чувствуетъ себя великолѣпно. Растиньякъ тоже воскресъ. Младшій С.-При былъ взятъ въ плѣнъ въ то время, когда онъ спокойно возвращался изъ Вѣны. Нашъ Государь велѣлъ сказать Бонапарту, что если его тронуть, онъ въ отместку за него велитъ разстрѣлять десять человѣкъ. У меня только что были Марковъ съ дочерью. На дняхъ онъ мнѣ сказалъ, что ей очень хочется послушать службу въ дворцовой церкви. Я просила его прислать ее ко мнѣ сегодня утромъ и мы вмѣстѣ были у обѣдни. Эта бѣдная крошка производитъ на меня впечатлѣніе очень слабенькой, хотя говорятъ, что она вполне здорова. Мнѣ показалось

что у нея бывають нервныя подергиванія, повторяющіяся довольно часто, и это заставляет меня думать, что ея нервная система очень разстроена. Думаю, что ей были бы нужны желѣзистыя ванны. Графъ читаль мнѣ Ваше послѣднее письмо и все, что касается сочиненія Бутурлина. Я его не читала, но положилаь на г-жу де Нуазевиль которая сказала мнѣ, что оно не хорошо.

Переводъ, сдѣланный имъ съ нѣкоторыхъ проповѣдей Филарета, тоже ничего не стоитъ. Дѣйствительно пора успокоиться и прекратить писать о религіи; такъ какъ все, что можно написать, будетъ слабо въ сравненіи съ тѣмъ, что уже было написано тѣми гениями, которые писали объ этомъ вопросѣ. Знаете ли Вы жизнь Фенелона Бусе? Я нахожу, что это чудная вещь и замѣчательно хорошо изложенная, мнѣ дала ее княгиня Долгорукая, и я читаю ее въ эту минуту. Я получила письма отъ г-жи Еверсъ, которая только и говоритъ, что о Вашей добротѣ; она рассказываетъ мнѣ рѣшительно все и даже про присланный Вами апельсинъ, не зная какими именами Васъ величать. Повѣрьте, что я раздѣляю тѣ чувства благодарности, которыя она къ Вамъ питаетъ. Если г-жа де Нуазевиль еще не уѣхала, то скажите ей, что кузины Мишель устроили въ домѣ цѣлыя исторіи; но я полагаю, что *princesse Boris* рассказала ей про всѣ выходки и вспышки Катеньки. Еще разъ повторяю, что это очень дурныя дѣвчонки.

КРИСТИНЬ.

Москва. Пасхальное Воскресеніе 29 Марта 1814 г.

Я хочу поговорить съ Вами о Титовѣ, который иногда меня навѣщаетъ. Онъ самъ затронулъ нѣкоторые вопросы. Не знаю, говорить ли онъ правду, но такъ какъ я ни о чемъ его не спрашивалъ, то не вижу, почему онъ сталъ бы меня обманывать. Фактъ тотъ, что онъ мнѣ сказалъ, что у него не было никакой ссоры съ графомъ Толстымъ, что дѣйствительно послѣдній разсердился на него за его отъѣздъ, но что заставили его удалиться лишь его здоровье и сознаніе полной бесполезности своего присутствія. Потомъ, онъ сказалъ мнѣ еще одну вещь, которую я повторяю только Вамъ одной, а именно, что Толстой во всѣхъ своихъ письмахъ къ Государю писалъ, что его армія состоитъ изъ 70 тысячъ человѣкъ. Государь ожидалъ сильнаго подкрѣпленія, но когда подошли на 10 верстъ къ главной квартирѣ и Е. В. хотѣлъ поѣхать сдѣлать смотръ этой арміи, онъ узналъ, что изъ нея осталось лишь 8000 человѣкъ. Это такъ разсердило Царя, что онъ не только не пожелалъ производить смотра, но даже

отказался видѣть графа Толстого. Послѣдній писалъ четыре раза, прося аудіенціи, но получилъ лишь словесный отказъ. Я думаю, что Титовъ сильно преувеличиваетъ, такъ какъ онъ немного вунтъ въ своемъ дѣлѣ, но можетъ быть въ разказахъ объ этомъ ужасающемъ сокращеніи есть и доли правды. По словамъ Титова, оно произошло отъ плохого режима, недостатка больницъ и лѣкарствъ. Люди сказывались больными и оставались позади, при чемъ провѣрить, дѣйствительно ли они больны или притворяются, было невозможно. Однимъ словомъ, двигаясь отъ Волги до границы, эта армія растаяла благодаря отсутствію заботливости и по неизвѣстно чьей небрежности. Но во всѣхъ этихъ несчастяхъ вина всегда падаетъ на начальника, и это вполне естественно, такъ какъ въ обратныхъ случаяхъ на него падаетъ и вся слава. Настоящая вина графа Толстого заключается въ томъ, что когда онъ соединился съ арміей Бенигсена, и послѣдній написалъ ему, спрашивая, все ли нужно имѣется у него для солдатъ, Толстой отвѣтилъ, что все, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ у него ничего не было, даже ружей, и изъ этихъ 8000 человекъ лишь 5000 были вооружены. Титовъ увѣряетъ, что онъ отвѣтилъ такъ Бенигсену для того, чтобы не имѣть съ нимъ объясненій, такъ какъ Бенигсенъ его не любитъ, и готовился все сказать самому Государю при первомъ же свиданіи. Но свиданіе это никогда не состоялось, и письмо его къ Бенигсену заставляетъ думать, что онъ все имѣлъ, и служить ему еще большимъ обвиненіемъ. По правдѣ сказать этого всего достаточно, чтобы окончательно уронить себя въ глазахъ Государя, и я не знаю, какъ онъ теперь оправдывается, если ему не представится благопріятнаго случая для объясненій. Все это доставило графу Толстому ужасныя огорченія и разочарованія, отразившіяся на его главномъ штабѣ, и Титовъ сказалъ мнѣ, что его армія въ концѣ концовъ была ни на что не похожа. По приходѣ въ Саксонію осталось всего лишь 6000 человекъ, а еще не было сдѣлано ни одного ружейнаго выстрѣла. На этихъ 6000 человекъ приходилось дюжина генераловъ, что вызывало смѣхъ другихъ корпусовъ арміи, особенно при видѣ, что за типы были нѣкоторые изъ нихъ. Вотъ что заставило Титова ухъать и, можетъ быть, онъ еще не высказалъ мнѣ всѣхъ причинъ. Послѣ этого произошла капитуляція Дрездена, гдѣ Толстой весьма не кстати далъ свою подпись, подвергнувшись этимъ афронту, полученному Клейстомъ, такъ какъ капитуляція была отброшена. Клейстъ, будучи старшимъ, могъ подписать одинъ и даже долженъ былъ это сдѣлать. Титовъ увѣряетъ, что изъ всего происшедшаго графиня знаетъ лишь очень немного и только по письмамъ мужа, что же касается до него, то онъ ей ничего не говорилъ. Она стала очень натянута и не естественна, онъ

замѣчаетъ это, какъ и я, но ни о чемъ не заговариваетъ. Мнѣ жаль ее изъ-за ея честолюбія, такъ какъ иначе всѣ подобныя огорченія должны были бы скользить по сердцу очень легко.

Понедѣльникъ, утро.

Передо мной Ваше письмо отъ 23. Я чувствую и раздѣляю Ваши страданія, вызванныя потерей бѣднаго молодого Строганова; положеніе матери разрываетъ сердце! я не знаю ея, но страдаю за нее. Ночь я провела очень плохо у меня была сильная лихорадка и острые боли. Терпѣніе добродѣтель весьма достойная, такъ какъ дается очень тяжело. Расскажите мнѣ, забавы ради, про Катенькины выходки; это вѣроятно было интересно.

Кн. Туркестанова.

Петербургъ 2 Апрѣля 1814 г.

Я не писала Вамъ прошлый понедѣльникъ. Увы! на меня напала моя обычная тоска. Когда эти ужасныя минуты овладѣваютъ мной, я ничего не могу дѣлать. Я стараюсь, насколько возможно, собрать свои мысли, чтобы молиться, но даже это мнѣ не всегда удается. Обыкновенно я становлюсь вродѣ машины: хожу, передвигаюсь безъ всякой какой бы то ни было цѣли и въ такихъ случаяхъ во всемъ, что я дѣлаю, нѣтъ ни порядка, ни смысла, особенно же я не могу тогда писать, за отсутствіемъ связности въ мысляхъ. Вотъ что, дорогой Крестинь, помѣшало мнѣ вамъ писать. Если вамъ когда нибудь придется писать мнѣ не аккуратно, я никогда на васъ не разсержусь, такъ какъ это еще мнѣ ничего не доказываетъ. Когда вѣра моя въ чувство человѣка достигаетъ извѣстнаго предѣла, я уже не обращаю вниманія на мелкіе пробѣлы, лишь бы мнѣ не беспокоиться о здоровьи этого человѣка, и такъ какъ я знала, что *princesse Boris* и г-жа де-Нуазевиль получали отъ васъ письма, я была совершенно спокойна на этотъ счетъ. Итакъ, не стѣсняйтесь вашей перепиской со мной и пишите тогда, когда вамъ это удобно во всѣхъ отношеніяхъ. Я увѣрена въ вашихъ чувствахъ къ себѣ и не буду въ нихъ сомнѣваться. Мнѣ хочется, чтобы и съ вашей стороны вы имѣли бы во мнѣ такую же увѣренность. Моя бѣдная графиня Строганова вчера утромъ узнала о смерти сына. Ея нравственныя силы бодро перенесли это жестокое испытаніе. Нравственно она ангелъ покорности и благочестія. Она во всемъ положила на Бога и съ небесной кротостью покорилась Его волѣ, а когда ей сказали, что мужъ ея здоровъ, она перекрестилась.

Въ первыя минуты она не могла плакать, но хлынувшія днемъ слезы облегчили сдавленное сильными спазмами горло. Я думаю не ходить къ ней первое время, но черезъ три четыре дня попытаюсь ее пови-
дать. Послѣ завтра мы ждемъ Лизу Куракину, она остановилась въ Новгородѣ отдохнуть. Г-жа де-Нуазевиль писала изъ Торжка, что дорога настолько ужасна, что онѣ подвигаются съ трудомъ. Брички уже не могутъ ихъ тащить, онѣ просили карету, но князь Куракинъ, который, какъ мнѣ кажется, такъ же мало спѣшитъ увидѣть свою жену, какъ она его, отвѣтилъ, что у него нѣтъ кареты, такъ что пришлось опять матери посылать ту, въ которой онѣ теперь покатаютъ къ городу. Она также дала и коляску для сопровождающихъ и оба экипажа отправлены въ Новгородъ. Увѣряю васъ, что безъ г-жи де-Нуазевиль мы не уви-
дѣли бы здѣсь бѣдной княгини. Она осталась бы въ Москвѣ лѣчиться и Богъ знаетъ, когда бы и какъ къ намъ вернулась. Вы правы, говоря, что у нея слаба голова, но мужъ очень содѣйствовалъ ея ослабленію и надо сознаться, что самъ онъ тоже не многого стоитъ. Не понимаю его нагло-
сти, съ которой онъ всюду показывается, зная, что жена больна, о чемъ онъ совершенно не думаетъ. Онъ постоянно развѣзжаетъ и даетъ чудные объѣды какъ ни въ чемъ не бывало. Храни Богъ *princesie Boris* отъ второго такого зятя! Онъ также увѣрентъ, что три оставшіяся у него дочери совершенно не похожи на сестру, потому что онѣ разсуждаютъ иначе. Герцогъ де-Visena собралъ всѣхъ министровъ конгресса, чтобы сообщить имъ ультиматумъ претензій Бонапарта. Этотъ ультиматумъ всѣхъ поразилъ. Сультъ готовится присоединиться къ арміи Наполеона. Велингтонъ двигается очень медленно, хотя всетаки говорятъ, что онъ сдѣлалъ движеніе къ Тулузѣ. Передайте отъ меня доброму Титову тысячу нѣжностей, но не говорите съ нимъ много о моихъ письмахъ, иначе онъ можетъ быть захочетъ ихъ видѣть. Я напишу ему на этихъ дняхъ. Я была бы очень довольна, если бы онъ остался въ Москвѣ и не пріѣзжалъ бы сюда повѣрять намъ свои горести. То, что происходитъ подъ Гамбургомъ, ужасно! Войска безпощадно опустошили земли Блома въ Ганверѣ. Его сестра ему пишетъ, что они разграбили все что могли, и что нѣкій Филимоновъ помѣстилъ въ одной изъ самыхъ лучшихъ гостинныхъ замка около двадцати портныхъ, обратившихъ ее скоро въ конюшню. Если я не ошибаюсь, этотъ громада Филимоновъ родственникъ Толстой. Вы понимаете, что я похвасталась Блomu и сдѣлала видъ, что не знаю этого типа. Но что за несчастное совпаденіе для бѣднаго Толстого; Боже мой какъ мнѣ за него непріятно. Сегодня утромъ я получила вѣсти изъ Вѣны. Моимъ сестрамъ тамъ очень нравится и онѣ чувствуютъ себя весьма спокойно въ отсутствіи г-жи Остерманъ и понемногу забавляются. О мужѣ ничего не извѣстно

развѣ кромѣ того, что онъ въ Базель. Я очень надѣюсь, что ванны успокоятъ его нервы. Нѣтъ, я не хочу его смерти, такъ какъ жена его въ свою очередь сойдетъ съ ума, я ее знаю. Прощайте, изгнали ли вы вашъ противный насморкъ? Я хочу, чтобы вы были здоровы и увѣрена, что это такъ и будетъ. Ахъ если бы я могла тоже изгнать тяжелыя мысли, которыя время отъ времени меня мучаютъ! Но это мой крестъ, и я должна его нести, пока это будетъ угодно небу. Ни слова объ этомъ г-жѣ Толстой ни моей теткѣ.

Прощайте.

КРИСТИНЪ.

Москва. Суббота 11 Апрѣля 1814 г. на Понедѣльникъ 17.

Черезъ мѣсяцъ Титовъ уѣзжаетъ на Кавказъ; такимъ образомъ въ Петербургъ не поѣдетъ. Онъ немного измѣнился и пересталъ быть такимъ какъ всегда. Вотъ уже восемь дней, что отъ 12 ч. до 2 ч. дня великолѣпнѣйшее солнце привлекаетъ на бульваръ всю Москву. Г-жа Толстая ходитъ туда какъ и прочіе, тѣмъ болѣе, что эта прогулка совсѣмъ у ея дверей. Бѣдный Титовъ такъ этимъ сконфуженъ, оскорбленъ и удрученъ, что пришелъ посоветоваться со мной, какъ и чѣмъ оправдать такую ужасную странность съ ея стороны. „Представьте себя“, говорилъ онъ мнѣ, „что я громко отстаивалъ, что она согласилась сопровождать этихъ дѣвицъ исключительно изъ желанія доставить имъ удовольствіе. Но вотъ, сегодня утромъ, она опять повторила свое безуміе и пошла туда съ Сашей и княгиней Варварой Гагариной. Это ужасно, мой дорогой, и я не знаю, что теперь и сказать въ ея оправданіе. Что же касается до княгини Гагариной, чортъ ее побери, то она таскается всюду, но нашей графинѣ Толстой, про которую всѣ знаютъ, что она любитъ уединеніе, позорить себя на бульварѣ со всѣми... нѣтъ, дорогой, это взываетъ къ мести, и я хочу ей это сказать. Всѣ мои старанія разубѣдить его, что нѣтъ ничего обыкновеннѣе и невиннѣе этого поступка и что никто не обратитъ на него вниманія, если онъ не станетъ имъ заниматься, ни къ чему не привели. По его мнѣнію бульваръ въ 12 ч. дня является такимъ же позорнымъ мѣстомъ, какъ маскарадъ въ 12 ч. ночи, и что графиня Толстая должна прогуливаться только въ экипажѣ или же пѣшкомъ, но въ такихъ мѣстахъ, гдѣ никого нельзя встрѣтить, такъ какъ она слишкомъ извѣстна, какъ уважаемая, почтенная и недвухсмысленная женщина. Онъ дѣйствительно сердился и, замѣтивъ мой смѣхъ, гнѣвъ его еще усилился. Но въ общемъ, несмотря на всѣ его преувеличи-

ванія и ошибки, онъ прекрасный человѣкъ. Онъ пришелъ и хочетъ опять бывать у меня почти каждый день.

Вы навѣрно найдете меня очень злымъ, но мнѣ ничуть не жаль Блома, несмотря на то, что лично я его всетаки люблю. Если бы Вы знали какъ я, каковы дѣятели того края, представителемъ котораго онъ является, Вы сказали бы: „браво Филимоновъ“. Этимъ людямъ нужна грязь, ею полна ихъ душа и пусть ею будетъ запачкана ихъ мебель. Ахъ, если бы зло войны ограничивалось лишь загрязненіемъ и даже небольшимъ разграбленіемъ замковъ этихъ господъ Датчанъ, тогда бы нечего было и говорить. За 25 лѣтъ они надѣлали столько гадостей, чтобы сохранить свои милыя состоянія! Еще дымилась кровь несчастнаго Людовика XVI, когда я видѣлъ, какъ подлый Грувель, секретарь конвенціи, тотъ самый, который будучи всѣмъ обязанъ Бурбонскому дому, рѣшился прочесть смертный приговоръ своему королю, былъ принятъ, говорю вамъ черезъ три года послѣ этой ужасной эпохи, въ Копенгагенѣ, въ качествѣ посла Французской республики, при чемъ король, королева и вся королевская семья, чествовали его, ласкали, играли съ нимъ по вечерамъ въ карты и Бломъ въ то время былъ при дворѣ очень усерднымъ царедворцемъ. Не по ихъ ли винѣ несчастные Гамбургцы вновь подпали подъ чужое иго и гибнуть отъ нищеты и страданій!

Воскресеніе 12. Вотъ уже три недѣли, что я не видѣлся съ бѣдной г-жею Еверсъ, но мы переписываемся съ нею. Какъ мнѣ кажется, она чувствуетъ себя не важно и жалуется на расстройство желудка, которое является, по моему, плохимъ признакомъ. Къ несчастью докторъ Обергъ, уѣхавшій мѣсяцъ тому назадъ, еще не отвѣтилъ ни на одно изъ моихъ писемъ; вѣроятно, онъ заболѣлъ или же ледоходъ задержалъ почту. Ходятъ слухи о хорошихъ новостяхъ, но они еще недостаточно официальны, чтобы мнѣ имъ радоваться. Жду слѣдующей почты, г-жа де Нуазевиль обѣщала мнѣ написать длинное письмо. Я счастливъ, что она пріѣхала и освободилась отъ тяжелой обузы. Напишу ей нѣсколько словъ. Бѣдная графиня Строганова! Чѣмъ можно утѣшить мать въ такихъ случаяхъ! Единственно, что ей осталось, это покорность волѣ Божіей, но я не удивлюсь, если это испытаніе сократить ея дни. Надѣюсь, что теперь уже вы имѣете вѣсти отъ графа Остермана, сообщите мнѣ, что вы о немъ знаете. Вернутся ли въ этомъ году княжны въ Россію? Мнѣ кажется это невозможнымъ: онѣ захотятъ воспользоваться купальнымъ сезономъ. Кстати, я долженъ вамъ сказать, что очень благодаренъ Титову за его гнѣвъ, который я тоже самъ

испыталъ въ Декабрѣ прошлаго года, но про который вамъ не говорилъ. Онъ не можетъ прийти въ себя отъ того, что сестра Франсильне на мѣстѣ извѣстной бѣгающей по свѣту молдаванки. „Когда можешь показать, что нибудь хорошее“, сказалъ онъ, „то зачѣмъ же возить Молдаванку и Валугеву, это абсурдъ“.—Сознаюсь, что не зная обоихъ особъ, о которыхъ идетъ рѣчь, я сказалъ то же самое и продолжаю говорить это ежедневно. Но къ чему про это писать, хотя настроеніе Титова заставляетъ меня всетаки вамъ въ этомъ сознаться. Вотъ бюллетень отъ 14 Марта, онъ великолѣпенъ. Я содрогнулся, читая, какой опасности подвергается нашъ Государь, и видя, что Рапателъ былъ убитъ на его глазахъ. Не могу воздержаться и не сказать въ десятый разъ, что всѣ эти революціонеры, возвращающіеся къ хорошимъ принципамъ, когда счастье поворачиваетъ имъ спину, могутъ сколько угодно мѣнять свои взгляды и всетаки никто изъ нихъ не кончаетъ благополучно. Пишегрю взялъ Голландію, что было гигантскимъ шагомъ для революціи, позднѣе онъ хотѣлъ вернуть королю тронъ, но республика его изгнала, и онъ умеръ задушеннымъ въ Тамплѣ. Моро содѣйствовалъ триумфу революціи и вернулся къ хорошимъ принципамъ лишь послѣ того, какъ во время народнаго къ нему благоволенія надѣлалъ массу зла монархіи. Онъ былъ убитъ въ первый же день битвы. Судьба Рапателя оказалась аналогичной съ судьбой Моро. Пятнадцать лѣтъ спустя онъ погибъ подъ вратами Парижа. Можно подумать, что перстъ Божій начерталъ имъ слѣдующія слова: „У васъ былъ талантъ, вы плохо использовали его и вы недостойны видѣть возстановленіе трона, который сами старались опрокинуть“. Посмотримъ, избѣгнетъ ли Бернадотъ этого наказанія свыше. Можетъ быть, его спасетъ его добросовѣстность, такъ какъ говорятъ, что онъ хочетъ Бурбоновъ, только Бурбоновъ.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ 9 Апрѣля 1814 г.

Мы въ Парижѣ! И больше я вамъ ничего не скажу, такъ какъ это значило бы заставлять васъ читать два раза одно и то же. Г-жа де Нуазевиль дастъ вамъ отчетъ во всемъ, что произошло. Кажется, что работа надъ философскимъ камнемъ подвигается къ концу. Декларация Государя говорить положительно о томъ, что съ Наполеономъ уже не будутъ вступать ни въ какіе договоры, а также ни съ кѣмъ изъ его сторонниковъ; исходя отсюда, нужно думать, что царствованіе его окончилось. Да поможетъ Богъ нашему Государю завершить все

то прекрасное и великое, которое онъ уже сдѣлалъ! Этой новостью, полученной нами вчера, какъ вы себѣ и представляете, теперь всѣ только и занимаются. Я узнала ее у обѣдни у Голицыныхъ. Адъютантъ военнаго министра, вошелъ съ бумагой въ рукахъ. Г-жа Гурьева, которую, какъ вамъ извѣстно, все волнуетъ, надѣлала столько шума, а отъ другихъ посыпалось столько восклицаній, что, благодаря всѣмъ этимъ волненіямъ, я не нашла въ себѣ силы даже пошевелить пальцемъ; я не была ни удивлена, ни обрадована, ни поражена, ничего подобнаго, я оставалась въ томъ самомъ состояніи, въ какомъ находилась за минуту до этого, а именно: полного спокойствія. Декларацию принесли только для того, чтобы ее прочесть, каждый хотѣлъ имѣть копию, но никто не могъ писать; я съ своимъ прекраснымъ хладнокровіемъ взялась за это и, списавъ пять декларацій одну за другой, раздала ихъ всѣмъ желавшимъ, такъ что у меня не осталось ни одной, чтобы послать тетѣ, но я надѣюсь, что въ замѣнъ, вы прочтете ей ту, которую сегодня же посылаетъ г-жа де-Нуазевиль. Я обѣдала у *princesse Boris*, гдѣ встрѣтила маленькаго Ла Туръ; онъ въ опьяненіи и у него глаза вылѣзали изъ орбитъ, остальные же болѣе или менѣе обрадованы и ни о чемъ другомъ не было рѣчи. Какъ оказывается, битва подъ Монмартромъ была очень горяча, и рѣшили ее гвардейскіе полки, при этомъ было взято 70 пушекъ. Государь вступилъ въ Парижъ 19 (31) марта, сопровождаемый городскими властями, и Сенатомъ въ полномъ составѣ, совершенно иначе, чѣмъ этотъ негодяй Бонапартъ въ Москву. Генераль Сакенъ сдѣланъ губернаторомъ Парижа.

Мнѣ совершенно случайно дали къ вамъ порученіе: это отъ *m-elle de Sybourg*, гувернантки Великой Княжны. Она сказала, что только что получила письмо изъ Женевы отъ своего брата, который рассказываетъ ей все, что происходило въ этомъ городѣ со вступленія союзныхъ войскъ. Я заинтересовалась подробностями и *m-elle de Sybourg* почти полностью прочла мнѣ письмо, но когда она подошла къ слѣдующимъ строкамъ; я насторожила уши: „постарайся, пожалуйста, сообщить Фердинанду Крестинъ о внезапной смерти его друга де-Траць и сказать ему, что его старшій братъ стоитъ во главѣ компаниі *du plan des ouattes* около С. Жюльенъ и что пока я не имѣю о немъ вѣстей“. Читая мнѣ эти строки, *m-elle de Sybourg* сказала, что не знаетъ какъ довести ихъ до вашего свѣдѣнія, но когда я сказала, что знаю васъ. и что мы знакомы, она умолила меня передать вамъ эти извѣстія. Я слово въ слово списала касающіяся васъ строки, но не знаю, осторожно ли съ моей стороны сообщать вамъ, объ этой смерти. Я буду въ отчаяніи, если причину вамъ огорченіе, но вѣроятно все

это васъ интересуетъ, и вотъ почему я взяла на себя ея порученіе. Къ тому же, если вы собираетесь писать въ Швейцарію, вы можете прислать письмо мнѣ, а я передамъ его *m-elle de Sybourg* и тогда оно попадетъ навѣрняка. Наконецъ вы сами увидите, удобно ли вамъ такъ сдѣлать. Исторія, которую вы мнѣ рассказываете про Толстого, кажется мнѣ весьма вѣроятной, и я готова держать пари, что Титовъ не способенъ лгать на этотъ счетъ. Что нибудь подобное должно было произойти, чтобы низвести Толстого до того ничтожества, въ которомъ онъ пребываетъ и по сей часъ. Я полагаю, что въ глазахъ своего Государя онъ упалъ окончательно, что меня искренно огорчаетъ. Я всегда повторяю, что онъ сдѣлалъ большую ошибку, что не держалъ себя, какъ самый простой смертный; если бы въ самомъ началѣ онъ поѣхалъ въ Вильну, то все было бы совершенно иначе. Его жена, вліяніе которой на него вамъ извѣстно, должна была въ то время давать ему лучшіе совѣты. Но какъ я вижу, ихъ расчеты оказались невѣрными, и изъ того, что они воображали, ничего не сбылось. Дѣйствительно меня это очень огорчаетъ, такъ какъ я привязана къ нимъ всей душой.

Съ тѣхъ поръ, какъ дверь г-жи Строгановой вновь для меня открылась, я провожу у нея всѣ вечера. Она принимаетъ лишь двухъ, трехъ человѣкъ и мы стараемся, какъ можно больше говорить, чтобы привлечь ея вниманіе и хоть на нѣсколько минутъ ее развлечь. Она страдаетъ тихо и спокойно, но здоровье ея очень плохо, такъ какъ она чрезвычайно слаба. Ее немного поддерживаетъ еще то, что ее заставляютъ почти цѣлый день ѣсть, но къ концу вечера, она совсѣмъ потухаетъ, какъ лампа. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы мужъ ея пріѣхалъ скорѣе. Можетъ быть, увидя его, она немного оживетъ. Впрочемъ, она остается вѣрна себѣ: всегда добра, всегда занята матерью и другими. Княгиня Куракина далеко не такъ больна, какъ вы думаете. Съ тѣхъ поръ, какъ она немного отдохнула, она чувствуетъ себя лучше, но она такъ сильно предубѣждена противъ докторовъ и лѣкарствъ, что рѣшительно ничего не хочетъ принимать. Не знаю, сумѣетъ ли ее уговорить г-жа де-Нуазевиль, она почти живетъ у нея, такъ какъ проводитъ тамъ всѣ ночи. Если васъ интересуютъ Катенькины исторіи, то я вамъ скажу, что она уже давно возненавидѣла свою кузину Соню и поэтому не могла выбрать другой наперсницы, какъ Татьяну. Последняя много разъ защищала сестру; но наконецъ Катенька стала увѣрять, что кузина ея кокетка, что она изводитъ всѣхъ мужчинъ, что неприлично одѣвается, и я ужъ не знаю, какой еще подобный вздоръ она говорила. Вдругъ, во время этого разговора, вошла Соня, и Татьяна

сказала ей все, чтобы дать возможность защищаться противъ взводимыхъ на нее обвиненій. Конечно, поднялась ссора и Катенька, бросивъ ей въ лицо всѣ возможные оскорбленія, начала топать ногами, кричать и такъ ужасно шумѣть, что пришлось сказать объ этомъ *princesse Boris*. Вы можете себѣ представить, какую это вызвало сцену. Послѣдствіемъ ея было то, что маленькую мегеру отправили домой и рѣшили больше никогда не возить этихъ барышень къ теткѣ. Такъ прошло нѣсколько дней. Наконецъ посыпались записки, въ которыхъ ничего не говорилось о происшедшемъ. *Princesse Boris* поѣхала къ своей *belle-soeur*, которая все узнала отъ дочери, разыгравшей передъ ней комедію. Она пришла и стала оправдывать ее передъ теткой, задыхаясь отъ смѣха и декламируя стихи изъ *Агасфера*... короче: извиненіе хуже оскорбленія. Вотъ то якобы чудное воспитаніе, которое *princesse Мишель* дала своимъ дочерямъ! Между кузинами возникъ холодокъ. Что же касается до меня, то я ничего такъ не желаю, какъ отъѣзда этой сумасбродки. Прощайте.

КРИСТИНЬ.

Москва, 17 Апрѣля 1814 г.

Получивъ великую и важнѣйшую вѣсть о взятіи Парижа, я не остался ни хладнокровенъ какъ вы, ни волновался какъ г-жа Гурьева, но заперся на ключъ и залился слезами, какъ маленькій *Ла Туръ*. Въ этомъ событіи я увидѣлъ для будущаго столько хорошаго, моя память воспроизвела передо мной столько минувшихъ страданій, и мнѣ представились такія большія переменны въ положеніи Россіи за 18 мѣсяцевъ, что наплывъ этихъ чувствъ въ мою душу, сдвинулъ мнѣ грудь и заставилъ рыдать, какъ ребенка. Не на меня одного это произвело приблизительно такое же впечатлѣніе: народъ цѣловался на улицахъ, извозчики бросали вверхъ свои шапки и кричали ура; люди бѣгали по городу поздравляя другъ друга съ большей поспѣшностью и жаромъ, чѣмъ даже на Пасху.

Мнѣ кажется, что нужно быть на развалинахъ Москвы, для того чтобы дѣйствительно оцѣнить взятіе Парижа! Но, Боже мой, съ какимъ нетерпѣніемъ всѣ ожидаютъ продолженія этихъ событій—близкаго низверженія *Бонапарта*, и коронованія *Людовика XVIII*; такъ нельзя избрать другого, коль этотъ не отречется отъ своихъ правъ. Будьте вполне увѣрены, что человекъ этотъ никогда не уступитъ короны и удовольствія царствовать; онъ слишкомъ любитъ власть для того, чтобы усту-

пить ее, и недостаточно любить своего брата, чтобы сдѣлать его своимъ господиномъ, вслѣдствіе этого я заключаю, что вы можете вполне на меня положиться, ничѣмъ не рискуя.

Наконецъ-то я получилъ письмо отъ моего доктора, который посылаетъ мнѣ новые рецепты для доброй г-жи Евверсъ, которую онъ, кажется, считаетъ очень больной. Между тѣмъ ея мужъ былъ у меня вчера и сказалъ, что ей лучше. Опасаются, чтобы ея кровь не испортилась, и не повлекла бы за собой разложенія, съ которыми искусство можетъ бороться лишь слабыми палліативами. Приблизительно докторъ смотритъ на это такъ же, и находитъ, что для продленія ея жизни, очень важно скрывать отъ нея ея положеніе, иначе страхъ можетъ лишь усилить физическія страданія. Впрочемъ, она не беспомощна и во всякомъ случаѣ можетъ прожить еще нѣсколько лѣтъ.

Изъ полученныхъ мною изъ Швейцаріи писемъ, я уже зналъ о смерти моего бѣднаго друга де-Траць, но я не менѣе тронуть вниманіемъ m-eur de Sybourg и его сообщеніемъ, вѣдь, онъ зналъ мою долготѣльную дружбу съ покойнымъ. Почему m-elle de Sybourg затруднялась сообщить мнѣ то, что братъ ея находилъ нужнымъ мнѣ знать? Развѣ мы съ ней не соотечественники, и не есть ли это самое близкое родство, а поэтому что же тутъ было неловкаго или неприличнаго—написать мнѣ прямо, если она имѣла что либо мнѣ передать?

Я люблю и безгранично уважаю ея брата m-eur de Sybourg; когда-то я былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ одной изъ сестеръ m-elle de Sybourg, которую звали Маріей и которая вышла замужъ 25 или 26 лѣтъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ я съ ней видался. Но, что стыдно сказать, это, что я не увѣренъ, знаю ли Петербургскую m-elle de Sybourg. Если я имѣлъ удовольствіе ее видѣть, то это было разъ или два и уже давно. Если я не ошибаюсь, ихъ было три сестры, и мнѣ кажется, что я видѣлъ только двухъ. Навѣрняка жѣ близко я зналъ лишь одну, потому что она проводила у нашихъ общихъ родственниковъ въ Jverdain цѣлыя лѣта... Ахъ, чудные дни моей молодости, что съ вами случилось! Тогда у меня не было, ни подагры, ни катарровъ, и я спалъ восемь часовъ подрядъ, не нуждаясь въ опиумѣ, какъ теперь. Они прошли и больше не вернутся! И какъ подумаешь, то становится жаль ихъ, такъ какъ я пользовался ими, не цѣня ихъ.

Но вотъ m-elle de Sybourg заставляетъ меня оплакивать мою молодость, между тѣмъ, какъ я долженъ былъ бы оплакивать лишь

горе г-жи де Траць, которая, будучи гораздо моложе мужа, должна была пережить его, и которая не могла не думать о томъ, что потеряетъ его до 40 лѣтъ. Она совершенно необыкновенная женщина. Глухонѣмая отъ роду, дочь очень богатыхъ родителей. Она имѣла преподавателемъ нѣкоего Ульриха, сотрудника аббата de Гѣрее, который поселился у нея и занимался съ ней такъ успѣшно, что не только научилъ ее писать чрезвычайно правильно, но сдѣлалъ изъ нее ученую, геометра, математика, и сверхъ всего астронома, который вычисляетъ затмения и ходъ небесныхъ тѣлъ, какъ Lalande. Вѣроятно, природа одарила эту молодую особу большими способностями, но трудно знать, до какой степени напряженія можетъ дойти умъ, который никогда не разсѣвается никакими разговорами, абсолютно ничего не знаетъ о томъ, что творится вокругъ и въ обществѣ. Она появляется въ немъ съ спокойнымъ и серьезнымъ видомъ и я часто видѣлъ, какъ среди шума гостининой, она вынимала книгу изъ своего мѣшечка и садилась читать съ тѣмъ вниманіемъ, которое доступно другимъ только въ глубинѣ своего кабинета. Говорятъ, что она любила своего преподавателя и что родители, замѣтивъ это, хотѣли выдать ее замужъ, отправивъ г-на Ульриха. Несмотря на это, де Траць, обладавшій прекрасной наружностью, снискалъ расположеніе молодой дѣвушки и они зажили отлично. Потерявъ двухъ своихъ старшихъ дѣтей, онъ мнѣ часто говорилъ: „Если я умру раньше, чѣмъ мои дѣти будутъ въ состояніи замѣнить меня возлѣ матери, она будетъ самой жалкой женщиной. Кто сможетъ замѣнить ей меня!“

Я увѣренъ, что у нея такое нѣжное и любящее сердце, что если ей не на кого будетъ изливать его, она умретъ съ тоски и огорченья. Выйдя замужъ, она забросила высшія науки. Однажды, когда у нея былъ боленъ ребенокъ я, желая отвлечь ее отъ поглощавшей ее мысли, задалъ ей письменно нѣсколько астрономическихъ вопросовъ. Угадавъ мою цѣль, она написала мнѣ: „Ахъ, оставимте свѣтила небесныя, меня заботятъ зубы моего бѣднаго ребенка“. И она смотрѣла на меня такими нѣжными глазами, изъ которыхъ катились крупныя слезы, пронизавшія мнѣ всю душу. Мы довольно долго переписывались.

Ея письма были полны смысла и чувства и часто фразъ достойныхъ повторенія, благодаря ихъ точности сжатости и удивительной ясности. Однако же ея стиль не походилъ на стиль человѣка привыкшаго къ разговору. Посудите сами, сколько въ обыкновенной рѣчи, существуетъ оборотовъ фразъ, совершенно не встрѣчающихся въ книгахъ и которые ей были совершенно чужды. Для нея не было ничего

труднѣе, какъ понимать Мольера въ его самыхъ обыкновенныхъ пьесахъ какъ напримѣръ: *le Medecin malgré lui*, *L'Avare*; однажды я испачкала цѣлую тетрадь, стараясь заставить ее понять соль самыхъ остроумныхъ мѣстъ, и безуспѣшно, но стихи изъ „*Misanthrope*“, казалось, были ея роднымъ языкомъ: такъ она чувствовала и понимала ихъ красоту. Все носило у нея отгѣнокъ серьезности, которая являлась послѣдствіемъ того, что она не слышала никакихъ глупостей, ни пошлостей, не знала никакой игры словъ, каламбуровъ и тому подобнаго вздора . . . У нея остались только дѣти отъ 7 до 8 лѣтняго возраста и мать, которая съ ней не живетъ. Она не имѣетъ ни братьевъ, ни сестеръ и братъ мужа взялъ на себя завѣдываніе землей, дѣло, въ которомъ она ничего не понимаетъ. Извиняюсь, что заставилъ васъ цѣлый часъ путешествовать по Швейцаріи, но сага *patria* имѣетъ всегда свою прелесть, а я охотно поддаюсь той, какую имѣетъ для меня бесѣда о ней съ такимъ добрымъ человѣкомъ какъ Вы, такъ какъ и считаю Васъ способной интересоваться г-жею де Траць даже по одному только изложенію ея положенія. Возвращаясь къ Россіи я скажу, что она моя вторая родина, родина по усыновленію и мнѣ тоже очень дорога: она даже имѣетъ надъ той преимущество власти привычки, про которую говорятъ совершенно вѣрно, что она вторая натура. Я увѣренъ, что благодаря Вашей нелюбви къ свѣту, вечера у гр. Строгановой для Васъ гораздо пріятнѣе разныхъ собраний. Не могу сказать Вамъ, какъ часто я думаю о положеніи этой несчастной матери, которую я знаю хотя лишь съ виду. Какъ больно должны сжимать ея сердце всѣ торжества по случаю взятія Парижа, и какъ каждый новый успѣхъ долженъ беречь ея чувство потери! Ей остается лишь покорность волѣ Божіей и религія, которыя являются почти что синонимами. Боюсь, что сраженіе подъ Монмартромъ, гдѣ гвардія рѣшила побѣду, принесетъ намъ еще какія нибудь потери! какъ долго не ѣдетъ официальный курьеръ. Я стараюсь отвлечь свои мысли отъ политическихъ событій, пока не прійдутъ новыя вѣсти, такъ какъ длинные промежутки отъ курьера до курьера, утомляютъ меня, и мнѣ столько приходится волноваться, выслушивая тысячи нелѣпыхъ разсужденій бесполезныхъ въ лучшихъ случаяхъ, а въ большинствѣ случаевъ бессмысленно глупыхъ. У меня каждый вечеръ бываютъ гости, и если я начну говорить на эти темы и опровергать весь вздоръ, который заранѣе распространяется, я потеряю голосъ, силы, и буду въ изнеможеніи къ моменту, когда всѣ начнутъ расходиться. Такимъ образомъ я рѣшилъ только слушать, не вступая ни въ какіе споры, развѣ только съ добрымъ Титовымъ, который приходитъ просматривать со мной газету; я разясняю ему то, что въ ней сказано и потомъ обсуждаю это. Мы

беремъ карту и шагъ за шагомъ слѣдимъ за Блюхеромъ, Шварценбергомъ и Велингтономъ. Кончается тѣмъ, что я привожу Титова въ удивленіе той быстротой, съ которой нахожу указанныя мѣста.

Исторійка Катеньки меня очень забавила; *princesse Boris* слишкомъ добра, что такъ скоро ее простила; а бѣдная Соня, всегда добрая скромная и естественная, которую обвиняютъ въ кокетствѣ и въ томъ, что она неприлично одѣвается, это слишкомъ жестоко! Я кончаю восьмую страницу, вотъ ужъ это называется болтать, не имѣя ничего сказать. Вините въ этомъ посланнаго *princesse Boris*. Она мнѣ сказала, что онъ будетъ здѣсь въ 10 часовъ, и потому я взялся за перо въ 9 ч., но вотъ уже скоро 11 ч. и никто не является.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ 20 апрѣля 1814 г.

И такъ кончено! Пьеса сыграна, занавѣсъ упала; теперь она поднимется для другого сюжета, и не Бонапартъ уже будетъ занимать міръ! Когда мысленно перебираешь все, что произошло и что происходитъ теперь, то думаешь, что это сонъ. Но какая развязка для этого ужаснаго человѣка! Какой конецъ! Можно ли было себѣ его представить? Я конечно его совершенно не предвидѣла. Признаюсь, что не будучи никогда поклонницей этого человѣка, я часто удивлялась ему, и всегда думала, что онъ пойдетъ на смерть во главѣ своихъ войскъ. Я считала его способнымъ на это мужество, но оказывается, что онъ самый трусливый изъ людей; оказывается, что ему хочется жить, и что онъ проситъ этого, какъ милости. Нѣтъ, это непостижимо! Своей собственной рукой онъ вычеркиваетъ изъ исторіи свое имя, и вновь погружаетъ его въ ту грязь, изъ которой вышелъ. Если о немъ будутъ говорить, то только какъ о разбойникѣ, авантюристѣ, похожемъ, какъ Вы говорили, на Пугачева. Наконецъ, онъ осужденъ передъ этимъ міромъ. Я думала, что извѣстіе о ссылкѣ на островъ Эльбу, было выдумкой нѣкоторыхъ газетчиковъ, но, какъ оказывается, оно вполне основательно и онъ самъ его избралъ. Всѣ очень интересуются, какъ и съ кѣмъ онъ поѣдетъ? Нельзя положиться на то, чтобы онъ туда доѣхалъ самъ, и это понятно. Что станетъ съ женщинами и со всей этой адской свитой? Я радуюсь, что троны будутъ очищены отъ всѣхъ типовъ, имѣющихъ касательство къ этой семьѣ, и что во всѣхъ краяхъ свѣта возстановится законность. Тогда вы должны будете пріѣхать въ Петербургъ, такъ какъ обѣщали это сдѣлать герцогу de serra-Carpiola; онъ мнѣ сказалъ. Впрочемъ, я требую, чтобы Вы сдержали Ваше

слово, только, если я сама буду здѣсь; безъ меня и не думайте прїѣзжать. Вы вѣроятно легко себя представляете, что здѣсь происходило во время празднествъ. Въ Казанскомъ Соборѣ былъ молебень, куда насъ всѣхъ заставили явиться въ большомъ парадѣ, послѣ чего обѣдъ во дворцѣ на 180 человекъ, чудная иллюминація, продолжавшаяся три дня подрядъ; многіе говорятъ, что лучшей иллюминаціи никогда не видывали. Купечество дало великолѣпный обѣдъ Кутузову, прибывшему съ извѣстіемъ о взятіи Парижа, и поднесло ему въ чудной серебряной вазѣ 4 тысячи дукатовъ, онъ взялъ вазу, а 50 тысячъ рублей отдалъ пострадавшимъ жителямъ Москвы: поступокъ тѣмъ болѣе достойный похвалы, что онъ совсѣмъ не богатъ. Я провела съ нимъ вечеръ у графини Строгановой, и онъ очень интересно рассказывалъ о вступленіи въ Парижъ, но передавать Вамъ его рассказъ было бы безъ конца. Я думаю, что сегодня прибудетъ курьеръ, который принесетъ намъ вѣсти о признаніи маршалами настоящаго положенія вещей, а также объ островѣ Эльбѣ. Третьяго дня мы получили много иностранныхъ газетъ, между прочимъ Ораклъ, который издается въ Брюсселѣ. Тамъ говорится о всѣхъ собраніяхъ законодательнаго корпуса, о рѣчахъ членовъ временнаго правительства и подробныхъ дѣйствіяхъ Государя. Часть всего этого будетъ напечатана въ Консерваторѣ, который Вы прочтете. Вообще газеты будутъ очень интересны. Кутузовъ мнѣ сказалъ, что графъ Остерманъ такой же съумасшедшій какъ и онъ, но что онъ сильно страдаетъ отъ своихъ ранъ и груди.

XXVIII.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ. 25 Апрѣля 1814 г.

Я отсюда вижу ту радость, которую вызвало въ Москвѣ взятіе Парижа, и это вполне понятно; тамъ должны больше цѣнить значеніе этого событія. Мнѣ кажется, что въ этотъ день даже сами развалины должны были принять другой видъ. Хотя и у насъ тоже были большія торжества и трехдневная иллюминація заставила весь городъ быть на улицѣ отъ 8 ч. вечера и до часу ночи, исключая всетаки меня, такъ какъ я ограничилась первымъ вечеромъ.

Мы получили много свѣжихъ извѣстій изъ Парижа отъ 3 Апрѣля. Всѣ эти молодые люди сходятъ съума отъ радости, что они тамъ. Сыновья *princesse Boris* пишутъ цѣлые тома, они дѣйствительно въ

опьяненіи. Капуа положительно имѣетъ свои прелести. Андрей прислалъ множество газетъ, стиховъ, и брошюру Шатобріана, которую вы непременно получите съ этимъ самымъ курьеромъ, такъ какъ г-жа де Нуазевиль перепечатала ее у Плюшара, гдѣ ее рвутъ другъ у друга. Она Вамъ понравится по своему краснорѣчію и глубинѣ чувствъ. Что же касается до Государственнаго устройства, то видно, что всѣхъ этихъ людей преслѣдуетъ лишь одна мысль, одно желаніе, одно опасеніе—это деньги. Желаніе сохранить то, что они имѣютъ и страхъ потерять это, вотъ о чемъ они только и думаютъ, остальные же заботы отходятъ на второй планъ. Это низкая нація, легко уступающая силѣ вещей и неспособная по своему истинному характеру, показать никакой устойчивости и истинной цѣнности. Всѣ эти присоединенія, которыя какъ дождь сыпятся со всѣхъ сторонъ, положительно жалки; самые изверги и заядлые изъ нихъ стараются показать себя наиболѣе ревностными въ сверженіи ига своего идола.

Вы можете, господа Французы, быть очень любезными блестящими и умными, но что же касается до національнаго духа,—вы ничто больше, какъ дрянь. Вы храбры только лишь на полѣ битвы, внѣ его вы соперничаете въ низости и подлости! Впрочемъ, мнѣ до всего этого нѣтъ дѣла, лишь бы Россія обрѣла прочное спокойствіе. Множество людей было поглощено за два послѣднихъ года; пора наконецъ отдохнуть и вздохнуть свободно. Я ни за что не желала бы быть на мѣстѣ Людовика XVIII.

Имѣя въ виду людей, захватившихъ кормило правленія, я нахожу что роль его чрезвычайно тяжела. Ему придется стать покорнымъ слугою Тайлера, въ рукахъ котораго ядро этого дѣла, или же отстранить его и его сторонниковъ рискуя въ скоромъ времени подвергнуться множеству огорченій и противорѣчій. Работа тяжелая въ его годы. Какъ вы на это смотрите? Думаете ли вы, что все это послужитъ королю на пользу? Дай Богъ, такъ какъ я очень люблю Монархію и желала бы, чтобы власть пользовалась уваженіемъ. Говорятъ, что Императоръ Александръ не будетъ ждать Людовика XVIII въ Парижѣ. думаютъ, что онъ поѣдетъ въ Англію и вернется къ коронованію короля. Но насколько это вѣрно. я не могу вамъ сказать. Можетъ быть, эти новости выдуманы здѣсь. Вотъ еще одна, которая васъ удивитъ. Princesse Michel выдаетъ свою старшую дочь замужъ за прекраснаго *Идеала*, иначе сказать за маркиза де Ферци. Это вещь уже рѣшенная такъ, какъ она уже объявила о ней своему зятю, который такъ и разинулъ ротъ; что же касается до меня, princesse Boris

и г-жи де Нуазевиль, то насъ это безразсудство нисколько не удивило, мы были вполне къ этому готовы такъ, какъ думали, что кромѣ арестанта, никто не захотѣлъ бы жениться на этихъ барышняхъ. Мысленно я давно уже ихъ пристроила: одну за этого самаго Ферци, а другую за Кастри, или за Шабана, или же можетъ быть за Gabatin, сына депутата Соединенныхъ Штатовъ. Видите, я не ошиблась. *Идеаль*, какъ рассказываетъ *princesse Michel*, влюбился въ Лизу 19 Декабря, а 19 Марта сдѣлалъ ей предложеніе безъ всякихъ церемоній, что привело въ такой восторгъ нашу сумасбродную дѣвицу, что она съ своего собственнаго согласія бросилась ему на шею, чтобы благодарить его за эту честь. Вотъ что она рассказала князю Борису, который никакъ не можетъ опомниться отъ неожиданности, и который всѣми силами старался отговорить ее отъ этого. „Теперь ужъ поздно“, отвѣтила она. „Моя дочь его любитъ, онъ любитъ мою дочь, я люблю его тоже, я согласилась, и все кончено“. И такъ какъ зять ея собирался разглагольствовать дальше, „это бесполезно“, прервала она его еще разъ. „Лиза стала мнѣ въ тягость, ей 24 года и пора ее пристроить, что не такъ легко сдѣлать, такъ какъ она не хочетъ ни Браницкаго, ни Чернышова, ни Голицына, ей нравился только графъ Воронцовъ, который, какъ мнѣ кажется, весьма далеко отъ желанія жениться и, принявъ все это во вниманіе, я не вижу кто бы могъ подойти ей больше маркиза. Не понимаю, какъ князь Борисъ могъ оставаться серьезнымъ, мнѣ кажется, я умерла бы отъ смѣха. Постижимо ли, что она говоритъ, что ея дочь не хочетъ ни того, ни этого, когда никто изъ тѣхъ, кого она назвала, никогда о ней и не думалъ! Это равносильно тому, что я стала бы увѣрять, что отказала Великому Визирю. Въ концѣ концовъ, вмѣсто того, чтобы разсердиться, зять умолялъ ее не спѣшить; но такъ какъ она уже отвѣтила полнымъ согласіемъ на его предложеніе, то къ этому нечего возвращаться, а только ждать какогонибудь повелѣнія для заключенныхъ вообще. Надо сознаться, что *Идеаль* очень красивый парень и хорошаго происхожденія, несмотря на то, что родомъ изъ страны Орлекиновъ (Италія). Мать его рожденная Пальфи, и онъ получить хорошее состояніе по смерти какого-то дяди; онъ полонъ талантовъ, и я вполне понимаю, что онъ можетъ нравиться. Но что же соблазнило его? Я совершенно не понимаю, такъ какъ Лиза ни красива, ни мила. Итакъ она невѣста, и если вы хотите сблизиться съ ея матерью, то для васъ будетъ прекраснымъ случаемъ написать ей и поздравить ее съ ниспосланнымъ ей счастьемъ. Не знаю, рассказала ли вамъ г-жа де Нуазевиль эту исторію, но въ случаѣ, если она этого не сдѣлала, не говорите съ ней объ этомъ первый. Хорошо ли вы себя представляете, какъ будутъ смѣяться надъ этой свадьбой и какія нелѣ-

пости рассказывать по ея поводу? Что же касается нелѣпостей, то меня ужасно насмѣшила нелѣпость Титова, который не хочетъ, чтобы Толстая гуляла по бульвару въ 12 ч. дня, его гнѣвъ такъ забавень, что я прочла эту часть Вашего письма у графини Строгановой. Надъ нимъ очень смѣялась г-жа Апраксина. Особенно характерной показалась намъ ярость Титова и его выраженіе: женщина не двусмысленная. Онъ является комическимъ истцомъ этого ложнаго взгляда на честь, въ чемъ я не разъ убѣждалась; но со всѣмъ этимъ онъ, какъ вы говорите, лучший изъ людей и прекрасный другъ. Особенно меня радуютъ ихъ хорошія отношенія съ графиней.

Теперь, что война кончилась, всѣ наши герои вернутся въ восторгѣ отъ вполне заслуженныхъ ими лентъ и крестовъ. Одинъ лишь графъ Толстой вернется съ тѣмъ, съ чѣмъ уѣхалъ, ничего не сдѣлавъ. Боже, какъ меня огорчаетъ его дурацкій походъ! Чинамъ и лентамъ я не придаю большаго, чѣмъ слѣдуетъ, значенія, но дѣйствительная и хорошо выполненная служба для меня много значить. Вотъ почему мнѣ жаль Толстого. Привести 6000 мужиковъ и стоять передъ крѣпостью, которая пала сама собой, это ужасно! Г-жа Толстая должна быть особенно огорчена, такъ какъ ея совѣты повліяли на поступки мужа. Ахъ! если бы она предоставила ему дѣйствовать какъ другіе.

Вчера я видѣла Маркова, который грозитъ тѣмъ, что уѣдетъ въ Подолію, черезъ Москву конечно. Скажите мнѣ рѣшено ли это окончательно и что вы думаете дѣлать съ собой? Мнѣ очень не хочется, чтобы вы запирались тамъ на два года и мнѣ будетъ очень непріятно, если я не увижу васъ въ Москвѣ. Неужели вы думаете ѣхать съ Марковымъ. Ничего не говоря моей теткѣ, я думаю лѣтомъ ее навѣстить. Лишь бы у Апраксиной, которая хочетъ вернуться въ Львовъ, нашлось мѣсто въ каретѣ для меня и моей горничной, тогда я сейчасъ бы уѣхала, чтобы избавиться отъ всѣхъ празднествъ, которыя по возвращеніи Государя будутъ устраиваться въ честь мира. Вотъ бы было прекрасно, если бы я васъ не застала въ Москвѣ! Прощайте.

Вашъ рассказъ о г-жѣ де Трацъ весьма интересенъ, и я вполне понимаю, какъ она должна быть несчастна, потерявъ мужа. Если m-elle Sybourg не сообщила вамъ этого сама, то потому, что не знала, какъ васъ найти, она не знала, что вы въ Москвѣ.

На этихъ дняхъ пойду къ ней и буду много говорить о васъ. Вчера пріѣхалъ Строгановъ. Вотъ уже два дня, что я не видѣла его жены.

XXIX.

Кристинь.

Москва 1 Мая 1814 г.

Я думаю то же, что и вы объ упадкѣ Французской націи, которая отвратительна до послѣдней степени. Она обожала своихъ королей и вмѣстѣ съ тѣмъ, спокойно смотрѣла, какъ горсть негодяевъ рѣзала лучшаго изъ нихъ и тащила всю его семью на эшафотъ, она рукоплескала этой рѣзнѣ, и посылала со всѣхъ концовъ Франціи поздравленія цареубійственной конвенціи. Когда Парижъ хотѣлъ стать за своихъ князей въ 1795 году, Бонапартъ разстрѣлялъ на улицахъ Парижа 1500 молодыхъ людей; это дало ему генеральскій чинъ, и съ этого дня онъ сталъ героемъ въ глазахъ этой легкомысленной и жадной до всего новаго націи.

Пока онъ грабилъ Италію, она рукоплескала 17 фруктидору, изгнавшему въ Капенскія Пустыни одного изъ своихъ директоровъ и 24-хъ членовъ совѣта старѣйшинъ, единственнымъ преступленіемъ которыхъ была открытая преданность Бурбонамъ. По этому поводу новые адреса, 18 Брюмера, они безумствовали, сдѣлавъ Бонапарта консуломъ. Его сдѣлали Императоромъ, онъ угнеталъ, тиранилъ, а передъ нимъ продолжали преклоняться.

